

Бадалова Елена Назимовна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА "ИДИОТ" В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ"**

В статье представлен анализ базового концепта романа Ф. М. Достоевского "Идиот", который содержит не только первоначальное значение "больной, слабоумный человек", но и индивидуально-авторское значение. Определяется связь концепта "идиот" не только с системой образов романа, но и с сюжетом. Рассматриваются философский, литературоведческий и концептуальный аспекты реализации концепта в тексте романа.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/4.html](http://www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/4.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

## STRUCTURE OF RUSSISMS IN THE TUVINIAN LANGUAGE

**Bavuu-Syuryun Mira Viktorovna**, Ph. D. in Philology  
Tuvinian State University  
mira.bavuu\_surun@mail.ru

The article presents structural analysis of the words borrowed from the Russian language. The author analyzes in detail the specifics of morphemic adoption of Russisms: anthropoformants in the structure of proper names appeared under the influence of Russian language; semi-calques in the structure of relative adjectives. The researcher also analyzes the cases when the word-formative affixes of the Tuvian language substitute the parts of or single morphemes of the Russian borrowings.

*Key words and phrases:* structure; morphemes; affixes; anthropoformants; Russisms; borrowings; semi-calques; nouns; adjectives; verb.

УДК 821.161.1

**Филологические науки**

*В статье представлен анализ базового концепта романа Ф. М. Достоевского «Идиот», который содержит не только первоначальное значение «больной, слабоумный человек», но и индивидуально-авторское значение. Определяется связь концепта «идиот» не только с системой образов романа, но и с сюжетом. Рассматриваются философский, литературоведческий и концептуальный аспекты реализации концепта в тексте романа.*

*Ключевые слова и фразы:* концепт; концептосфера; художественное пространство; русская литература; аксиология; ядро концептосферы; периферия концептосферы.

**Бадалова Елена Назимовна**

Астраханский государственный университет  
badalova-e@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «ИДИОТ»  
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»<sup>©</sup>**

Название художественного произведения определяется некоторыми исследователями как ключевой концепт (ядро концептосферы) (В. А. Маслова, В. Г. Зусман [7; 4]). В. Г. Зусман пишет о том, что «название произведения не только определяет восприятие текста, но и задаёт вектор раскрытия смысла концепта. Особенно важны названия ключевых текстов и произведений, порождающие безграничный ряд ассоциаций...» [4, с. 162]. В свете этого, ключевым концептом романа Ф. М. Достоевского «Идиот» является концепт «идиот». В тексте романа слово «идиот» и однокоренные слова («идиотизм», «идиотик») составляют 62 единицы.

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой «Идиот – 1. Человек, который страдает врожденным слабоумием. 2. Глупый человек, тупица, дурак» [8, с. 262]. Следовательно, если составить синонимический ряд первого значения, то в него включены значения «больной, слабый, слабоумный». Но из писем Ф. М. Достоевского А. Майкову известно, что автор романа задумал «изобразить вполне прекрасного человека» [3, с. 87].

Н. В. Кашина в книге «Человек в творчестве Ф. М. Достоевского» пишет, что «это – «обманное», мерцающее несколькими смыслами заглавие, какие любил Достоевский» [5, с. 125]. Действительно, Мышкина воспринимают в обществе как больного и слабого. Только родственные связи с Лизаветой Прокофьевной и миллионное наследство заставляют персонажей романа внимательно относиться к князю. Из речи повествователя мы узнаем, что Мышкин лично сообщил о своей болезни в доме Епанчиных: «...он объявил впрочем, что хотя и все помнит, но мало может удовлетворительно объяснить, потому что во многом не давал себе отчета. Частые припадки его болезни сделали из него совсем почти идиота (князь так и сказал: идиота)» [2, с. 30]. Герой сообщает о своей болезни и тем самым невольно определяет собственный статус в обществе. Остальные персонажи с этого момента воспринимают его только как идиота и ведут себя по отношению к Мышкину соответственно.

Возможно, будущее отношение общества и пугает Лизавету Прокофьевну, так как «этот последний в роде князь Мышкин, о котором она уже что-то слышала, не больше как жалкий идиот и почти что нищий, и принимает подавание на бедность» [Там же, с. 56]. Данный пример очень интересен тем, что отражает значение концепта «идиот» в нескольких аспектах: большой и юродивый. Из-за ревностного отношения к роду Лизавета Прокофьевна не может достойно принять единственного представителя рода Мышкиных по мужской линии, добровольно сообщившего о слабоумии. Но и к тому же нищего, просящего подавание, то есть юродивого, дурака (второе значение слова «идиот»). Следовательно, в данном примере мы можем выделить проявление двух ассоциативных значений концепта «идиот».

Подтверждает значение «дурак» и другой пример – фраза Гаврилы Ардалионовича, сказанная в чрезвычайной экспрессии в ответ на упоминание Мышкиным портрета Настасьи Филипповны в доме Еланчиных: «Э-э-эх! И зачем вам было болтать! – вскричал он в злобной досаде. – Не знаете вы ничего... Идиот!» [Там же, с. 86]. В данном контексте «идиот» по смыслу ближе к слову «дурак». Можно говорить о том, что эмоциональная окраска придает слову «идиот» значение оскорбления, указания на слабоумие. Первоначальное значение данного слова в контексте рассказа Мышкина о Швейцарии исключается при обретении эмоциональной окраски. Ганя Иволгин неоднократно указывает князю на слабоумие, унижает его. Слово «идиот» звучит как оскорбление в эмоциональном порыве Иволгина. В результате увеличивается влияние оценочного компонента. Князь понимает, что его статус «идиота» является некой мерой, которой оценивают не только самого обладателя, но и других [1]. Но уже в доме Настасьи Филипповны расчетливый человек Ганя Иволгин отказался от своих слов, которые он ранее произнес, надеясь на возвращение уважения в обществе.

В. А. Маслова указывает на то, что образ дурака – один из ключевых в русской культуре [7, с. 71]. И не случайно героем большинства русских народных сказок является дурак. Синоним слова «дурак» – слово «юродивой», семантика которого – «непохожий на остальных во всем изначально» [Там же, с. 154-155]. Князя воспринимают, действительно, как непохожего на других: «очевидно, князя представляли как что-то редкое (и пригодившееся всем как выход из фальшивого положения), чуть не совали к Настасье Филипповне; князь ясно даже услышал слово "идиот", прошептанное сзади его, кажется, Фердыщенко, в пояснение Настасье Филипповне» [2, с. 114]. Неординарный Мышкин после получения миллионного наследства Павлищева приобретает некоторый «вес» в лицемерном обществе Петербурга. И не случайно становится больше внутренних монологов героев, которые продолжают воспринимать князя как больного и слабоумного [3, с. 246].

В речи повествователя слово «идиот» звучит как оправдание и замещение имени князя: «но именно чрез это бешенство он [Ганя Иволгин] и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот «идиот», которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать» [2, с. 96]. В контексте речи повествователя концепт «идиот» приобретает индивидуально-авторское значение «князь Мышкин». Данное значение проявляется и в тексте газетной статьи, посвященной «богатому идиоту». Газета помимо основных функций (информативной и указательной) выполняет второстепенную функцию преломления действительности. В эпизоде с чтением сатирической статьи боксёра Келлера мы можем наблюдать активизацию данной функции: «она [Лизавета Прокофьевна] торопливо протянула ему [князю] одну еженедельную газету и указала пальцем статью» [Там же, с. 279]. Герой статьи – некий барон, ставший неожиданно миллионером, являющийся пародией на князя Мышкина. Карикатурная зарисовка «искажает» пространство. Это искажение зафиксировано в тексте и передаётся через дезориентированное сознание Коли Иволгина, которому было стыдно читать оскорбительную для князя Мышкина статью. Отношение к статье в газете разделяет остальных участников на два лагеря: одни воспринимают Мышкина как благородного человека, другие – как глупца. Келлер, представитель компании Рогожина, провоцирует князя, изображая его в своей статье в образе шута. Противоречивое отношение ко Льву Николаевичу продиктовано особенностями созданного писателем образа, для интерпретации которого необходимо вновь обратиться к значению слова «идиот». Об этом пишет Н. Ю. Тяпугина: «Это – отдельный, частный человек. То есть человек, не подверженный всеобщим страстям и заблуждениям, а потому, в частности, не участвующий в жизни, принявшей «отрицательное направление»» [10, с. 38]. Данное значение слова, вынесенное в название романа, позволяет объяснить такое явление, как «фронтальное» отношение к князю, которое реализуется посредством детали (газеты). Газета, являясь частью предметного мира, выполняет сюжетобразующую функцию в художественном пространстве романа, аккумулируя и одновременно демонстрируя отношения между героями.

Индивидуально-авторское значение концепта «идиот» воплощено не только в речи повествователя в функции замещения имени князя Мышкина, но и проявляется в эпизоде чтения сатирической статьи Келлера, когда возникает мотив авторской игры. В данном случае работает механизм образования художественного концепта, то есть перераспределение внутри значения слова (актуализация его нетривиального, ситуационно заданного значения) и вступление в определенные семантические отношения с другими единицами композиционного членения текста. Зависимость от контекста подчеркивал Д. С. Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», указывая на контекстуальные ограничения концепта [6]. Ю. С. Степанов определяет данное явление как способность концептов «парить» над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете [9, с. 72]. По мнению исследователя, сюжет – это последовательность некоторых образов, или представлений, или эпизодов, которая, в свою очередь, является устойчивой совокупностью некоторых концептов, или микромотив – концептуализированная сфера [Там же, с. 74].

Итак, концепт «идиот» связан не только с системой персонажей, но и с сюжетом романа. Развитие образа князя Мышкина, изменение отношения к нему ведут за собой события произведения. Роман Ф. М. Достоевского начинается с возвращения Мышкина в Россию, а заканчивается вновь лечением в клинике Шнейдера. Возникает кольцевая композиция, которая объясняет замкнутое пространство греховной жизни общества: «Евгений Павлович принял самое горячее участие в судьбе несчастного «идиота», и, вследствие его стараний и попечений, князь попал опять за границу в швейцарское заведение Шнейдера» [2, с. 552].

Анализ концепта «идиот» применим к пониманию идеи романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Огромное влияние контекста романа на восприятие конкретного значения слова «идиот» в определенный момент сюжета. Кроме прямого значения концепт «идиот» включает индивидуально-авторское – князь Мышкин. Таким образом, концепт «идиот» содержит базовую часть – это название романа, в котором совмещены все значения слова «идиот» в тексте, и интерпретационную часть (периферию) – это отдельные значения в художественном пространстве романа «Идиот».

## Список литературы

1. Бадалова Е. Н. Концепты «деньги», «огонь» как составляющие образа Петербурга в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Альманах современной науки и образования. 2011. № 9. С. 122-124.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Лексика, 1994. Т. 3. Идиот: роман в четырёх частях. 624 с.
3. Достоевский. Энциклопедия / сост. Н. Н. Наседкин. М.: Алгоритм; Эксмо; Око, 2008. 800 с.
4. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Н. Новгород: Деком, 2001. 167 с.
5. Кашина Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Художественная литература, 1986. 318 с.
6. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский центр «Блиц», 1999. 195 с.
7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
10. Тяпугина Н. Ю. Романы Ф. М. Достоевского. Саратов: ИЦ «Добродей» ГП «Саратовтелефильм», 2001. 80 с.

## FUNCTIONING OF BASIC CONCEPT OF "IDIOT" IN NOVEL "THE IDIOT" BY F. M. DOSTOYEVSKY

**Badalova Elena Nazimovna**  
*Astrakhan State University*  
*badalova-e@mail.ru*

The article presents an analysis of the basic concept of the novel "The Idiot" by F. M. Dostoevsky, which contains not only the initial meaning of "a sick, weak-minded person" but also the individual-author's meaning. The author determines the connection of the concept of "idiot" not only with a system of the novel images, but also with the plot. Philosophical, literary and conceptual aspects of the implementation of the concept in the text of the novel are considered.

*Key words and phrases:* concept; conceptual sphere; art space; the Russian literature; axiology; core of conceptual sphere; periphery of conceptual sphere.

УДК 81.23

## Филологические науки

*В статье рассматривается «презумпция непонимания», предложенная Г. Д. Гачевым, как гипотеза в разработанной им экзистенциальной культурологии, приводятся данные, подтверждающие эту гипотезу в психолингвистике, излагаются результаты проведенного ассоциативного эксперимента, подчеркивается, что «презумпция непонимания» не ставит преграды реальному пониманию, а расширяет его, делает более сознательным.*

*Ключевые слова и фразы:* презумпция непонимания; диалог культур; коммуникативные допущения; понимание; взаимопонимание; коммуникативное сознание молодежи.

**Балова Ирина Мухтаровна**, д. филол. н., профессор  
**Будаева Людмила Ахмадовна**, к. пед. н., доцент  
**Щербань Галина Евгеньевна**, д. филол. н.  
*Кабардино-Балкарский государственный университет*  
*balova@mail.ru; ludmila.budaeva@gmail.com; scherban@rambler.ru*

«ПРЕЗУМПЦИЯ НЕПОНИМАНИЯ» В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ Г. ГАЧЕВА И В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ<sup>©</sup>

Непонимание, которое в процессе межкультурной коммуникации иногда приводит к конфликту, была предметом исследования многих ученых (культурологов, этнологов, психологов, психолингвистов и т.д.). Широта затронутых в их работах вопросов лишь подтверждает сложность проблемы понимания / непонимания и позволяет сформулировать еще один важный для гармонизации любого процесса общения вопрос: как относиться к непониманию и появившемуся термину «презумпция непонимания»? В данной статье мы попытаемся ответить на этот вопрос, рассмотрев «презумпцию непонимания» в экзистенциальной культурологии Г. Д. Гачева и в психолингвистике.

Г. Д. Гачев, исследуя национальное своеобразие народов, особенности их мировосприятия и взаимоотношения и указывая на различие между убеждением человека в том, что народы по-разному воспринимают мир, и видением «как по-разному», выдвинул в качестве рабочей гипотезы «презумпцию непонимания». Сделано это было впервые. Ученый писал: «И вот, чтобы изучение национального своеобразия протекало напряженно и дало больше результатов, исследователю, по-моему, полезно исходить из, так сказать, ПРЕЗУМПЦИИ НЕПОНИМАНИЯ как рабочей гипотезы. В самом деле, если я, придя в другую страну и знакомясь